

Су Вэйчэн, несмотря на то что ему было уже под пятьдесят, ничуть не растерял бывшего шарма. С годами он стал лишь притягательнее, и от него исходило то редкое сочетание мужественности и утонченности, которое дается человеку самой природой.

Именно эта поразительная внешность в свое время вскружила голову матери Ли Вэньлэ, Ли Сюэин. Будучи еще студенткой, она потеряла голову от любви к Су Вэйчэну и, вопреки протестам семьи, настояла на браке с ним.

Однако ни Ли Вэньлэ, ни Ли Вэньцин не унаследовали черты отца — оба они были поразительно похожи на своих матерей.

— Ли Вэньлэ, где ты провел все эти годы, чему тебя учили? Кто позволил тебе так разговаривать с отцом? Ты что, забыл самые элементарные правила приличия?

Су Вэйчэна трясло от ярости. Взглянув на лицо Ли Вэньлэ, до боли напоминавшее ему покойную супругу, он ощутил, как из самой глубины души поднимается волна отвращения.

Для Су Вэйчэна существование Ли Вэньлэ было подобно рыбьей кости, застрявшей в горле: ни выплюнуть, ни проглотить. А периодически возникающая боль лишь напоминала ему о постыдном прошлом.

Оказавшись в столь неловком положении, Ли Вэньлэ наконец понял, зачем дядя Сяо вытащил его из дома. Если бы он не решил сегодня выбраться наружу, а продолжал бы сидеть взаперти, словно лягушка на дне колодца, живя лишь заботами о Сяо Хаоюе, он никогда бы не осознал, насколько велик разрыв между ним и Ли Вэньцином.

Ли Вэньлэ горько усмехнулся. Затылок саднило, перед глазами все плыло, но он все же упрямо огрызнулся:

— Да, куда уж мне до образованности Ли Вэньцина! Кто же виноват, что я бросил университет после второго курса, чтобы выйти замуж? Конечно, мне не сравниться с твоим любимчиком — он ведь не только закончил престижный вуз, но и за границей успел поучиться!

Су Вэйчэн холодно смотрел на него. Это упрямство было точь-в-точь как у того образа, что преследовал его годами, словно неотвязный ночной кошмар.

Взбешенный Су Вэйчэн закричал:

— Ли Вэньлэ, неблагодарный сын! Неужели ты думаешь, что я не посмею тебя ударить?

С этими словами он замахнулся, намереваясь вlepить пощечину по бледному лицу сына. Его свирепый вид не оставлял сомнений — он готов был бить всерьез. Эта картина разительнo отличалась от того любящего отца, каким он предстал перед Ли Вэньцином.

Ли Вэньлэ мог открыто спорить с Сяо Хаоюем, но многолетнее воспитание глубоко въелось в его плоть и кровь — он не смел поднять руку на отца. Ему оставалось лишь зажмуриться, готовясь принять удар.

Съежившись и закрыв глаза, он невольно подумал, что сегодня явно неудачный день для выхода из дома — наверняка в календаре было написано нечто подобное. Иначе как объяснить, что каждый встречный так и норовит его ударить?

Однако, простояв так некоторое время, он не почувствовал боли. Вместо этого он услышал низкий, приятный голос Сяо Хаоюя:

— Тесть, разве прилично бить мою супругу прямо у меня на глазах?

Сяо Хаоюй сам не знал, почему вмешался. Его тело среагировало быстрее разума: едва увидев занесенную руку Су Вэйчэна, он инстинктивно шагнул вперед и перехватил запястье тестя.

Су Вэйчэн смущенно высвободил руку. Он никак не ожидал, что Сяо Хаоюй вступится за Ли Вэньлэ. Стоявший позади него Ли Вэньцин был поражен не меньше. Двое мужчин обменялись растерянными взглядами, не понимая, что происходит.

Старый лис Су Вэйчэн первым пришел в себя. Он тут же сменил гнев на милость, превратившись в образцового отца. Мягко погладив Ли Вэньцина по спине, он с притворным вздохом произнес:

— Зять, ты же сам все видишь! Дедушка слишком избаловал Ли Вэньлэ, вот он и вырос таким своевольным. К тому же он вечно завидует Цинцину, поэтому постоянно придирается к нему и обижает. Нам, родителям, приходится нелегко. Как говорится, и то, и другое — плоть от плоти моей, разве я могу спокойно смотреть, как он задирает Цинцина? Если бы я не вмешивался, сколько бы еще обид пришлось стерпеть бедному Цинцину!

Ли Вэньлэ холодно наблюдал за тем, как Су Вэйчэн утешает Ли Вэньцина. Сердце сжалось от боли и холода. Оба они — его сыновья, но к одному он обращается как к чужаку, сухо называя по имени — Ли Вэньлэ, а к другому — с нежностью, как к самому близкому человеку, ласковым прозвищем Цинцин.

Ли Вэньлэ не сдержал горькой усмешки. Что за бред про плоть от плоти? Любой слепой увидит, есть ли здесь предвзятость и разное отношение.

Хотя он давно привык к такому обращению, сердце все равно ныло. Ощущение было такое, будто его живое, бьющееся сердце вырвали из груди и бросили в ледяной сугроб — холод пробирал до костей, превращая кровь в лед и заставляя все тело дрожать.

Ли Вэньлэ и без того знал, что скажет отец: не разбираясь в причинах, он потребует

извинений.

Так и вышло. Высказав свое недовольство, Су Вэйчэн с выражением глубокой скорби на лице обратился к нему:

— Ли Вэньлэ, ну же, извинись перед Цинцином! Он великодушный, он обязательно тебя простит.

Этот результат не стал для Ли Вэньлэ неожиданностью — он предвидел его с самого начала. В его памяти запечатлелось: сколько бы конфликтов ни возникало между ними, Су Вэйчэн никогда не искал виноватых. Он всегда без раздумий обвинял его, требуя извинений перед Ли Вэньцином. В глазах отца Ли Вэньлэ был виноват во всем, а Ли Вэньцин всегда оставался жертвой.

— Папа, я могу извиниться, — твердо произнес Ли Вэньлэ. — Но сначала пусть Ли Вэньцин объяснит, на каком основании он заявляет другим, что является единственным внуком моего дедушки! Пусть объяснится, и тогда я попрошу прощения.

Ли Вэньлэ считал, что не сделал ничего дурного. Он и так слишком многим уступал Ли Вэньцину, но в вопросе о компании Ли и о дедушке Ли Чжунсяне он не намерен был отступать — ведь это было последним желанием его матери перед уходом.

<http://bllate.org/book/21434/2190439>